

Литература

1. Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре. М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С.Грибоедова, 2003. 302с.
2. Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика»; Петербургское Востоковедение, 2008. 192 с.
3. Ислам: Иллюстрированная энциклопедия. Классическое издание / Авт.сост. М. Магомерзоев. М.: Эксмо, 2011. 640с.
4. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2012. – 552 с.
5. Бухараев Р.Р. Ностальгия по Откровению. М.: Наталис, 2005. -367с.
- Пиотровский М.Б. Пророческое движение в Аравии VII в. / Ислам: Религия, общество, государство: Сборник статей. Отв. Ред. П.А.Грязневич и С.М.Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ. 1984. 232 с.
6. Торчинов Е.А. Пророческое движение и мистицизм в исламе (суфизм) Пророческие корни ислама / Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
7. Ислам: энциклопедический словарь / Отв.ред. С.М.Прозоров. М.: Наука, 1991. 315с.

ОБРАЗНОЕ СЛОВО В ОЧЕРКЕ Я. ГУРЕВИЧА «МАТЬ»

В.А. Юзифович,

кандидат филологических наук, доцент

Приднестровский государственный университет им. Т.Г.Шевченко

(Приднестровье)

E-mail: Yuzifovichv@mail.ru

Аннотация. В статье описаны словесные средства художественной выразительности очерков молдавского журналиста Я.Гуревица, рассмотрены стилистические фигуры и тропы очерка «Мать». Автор идет от текста очерка, от его словесного материала к аналитическим обобщениям. Исследователь опирается как на классические, так и на новые исследования в области стилистики текста.

Ключевые слова: очерк, портрет, стилистические фигуры, тропы

Summary. This article describes the verbal means of artistic expression of essays by Moldovan journalist Gurevich, figures of speech of the essay «Mother» are considered. The author descends from the text of the essay, his verbal material to analytical generalizations. Scientist uses both classical and new research on the style of the text.

Keywords: sketch, portrait, stylistic figures, tropes.

Яков Абрамович Гуревич — известный молдавский журналист, писатель. С 1960-х годов сотрудник редакции республиканской газеты «Молодёжь Молдавии» в Кишинёве (литсотрудник, заведующий отделами учащейся и студенческой молодежи, культуры, военно-патриотического воспитания, ответственный секретарь), затем на протяжении 20 лет заместитель главного редактора газеты «Кишинёвские новости». Член Союза журналистов Молдавской ССР (с 1965), член писательской ассоциации «Днестр» (Кишинёв, с 2003). Прожил долгую активную жизнь — 91 год (ушёл из жизни в октябре 2015 г.). Автор многочисленных сборников публицистики и документальной прозы.

Очерк «Мать» построен как воспоминание о встрече повествователя со знакомым, рассказавшем о своей матери. Мать без имени, Мать, работающая, добрая, сильная, верная и своим жизненным идеалам, и своей семье. Понять замысел очерка нам помогает в том числе и образная система очерка.

В очерке Я.Гуревича жизнь семьи, отдельных её представителей, различные ситуации описываемого мира изображаются, естественно, с точки зрения повествователя или персонажа, при этом учитываются различные аспекты восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние).

Широк круг речевых средств, воссоздающих разные проявления чувственного восприятия. И особенность стиливого воплощения Я.Гуревича заключается в том, что и цветовой олицетворение в тексте, и звук, и запахи, и движение сопряжены с философией жизни и повествователя, и его приятеля, и матери, являющейся героиней исследуемого очерка. В тексте даются динамичные световые, звуковые, осязательные характеристики, которые взаимодействуют друг с другом:

Но что особенно запало в память, так это благоговейная тишина [1, с. 33]

...всякая жизнь, даже самая серая и бездуховная, говорила мама, по-своему любопытна и занимательна, потому что всё равно учит чему-то [1, с. 33].

Жизнь показалась ей, недавно ещё столь нужной мужу, детям, окружающим, — унылой, жестоко обрубленной, утратившей привычные запахи, краски, содержание [1, с. 49].

Только ведь не всё в этой жизни просто и однозначно, не всё лежит на поверхности, чтобы можно было самому и обвинение сформулировать, и приговор вынести. Не только цвета в ней есть, но и оттенки, и тени, и полутона...нужны особое духовное зрение, способность к сопереживанию [1, с. 54-55].

Кто мне тут мог быть судьёй? Кто проникся бы моими сомнениями, моей душевной тревогой, испил вместе со мной горько-сладкую чашу юношеского тщеславия и ноющего непокоя? [1, с. 56].

...спасибо, что выслушали, - сказал он неестественно глухим, надтреснутым голосом [1, с. 60].

Обозначаются разнообразные запахи:

...я подолгу сидел у распахнутого окна с видом на парк, вдыхал влажный воздух, настоящий на аромате молодой листвы, от которого сладко кружилась голова, и прислушивался к внезапно налетавшим порывам горячего ветра [1, с. 27].

Вернувшись из парка и сев за книгу, я всё ещё оставался в его власти, каждой клеточкой ощущал его тёплое, влажное дыхание, его душистую прохладу, и птичий щебет, и размеренный шелест листвы [1, с. 28]

...в знойном воздухе повеяло свежестью [1, с. 41]

Я.А.Гуревич стремится запечатлеть ситуацию в её изменчивом состоянии в восприятии конкретного персонажа очерка:

Вернулся раздосадованный, измочаленный в нескольких очередях, но так и не добившийся толку [1, с. 30].

Слушать это было жутко до боли. Лицо у меня горело, в глазах тоже стояли слёзы, в горле, словно сжатом безжалостной рукой, стеснилось дыхание. Я не в силах был произнести хоть слово [1, с. 38].

...У неё были крепкие, сильные, но удивительно мягкие руки. И всегда – прохладные. Мягкость и мятную прохладность её рук я отчётливо помню лет с пятнадцать... эти руки, неизменно лежавшие на лбу, словно излучали бодрящую силу, умеряя нестерпимую боль... [1, с. 44-45].

Именно в эти дни с какой-то поразительной силой проявилась её внутренняя сущность, её словно вырвавшаяся из берегов и хлынувшая через плотину привычной сдержанности высокая материнская любовь [1, с. 59].

Он судорожно сглотнул комок в горле и тяжело перевёл дыхание. Ещё резко обозначились две глубокие продольные складки от крыльев носа к уголкам рта [1, с. 60].

В центре внимания оказывается внутренняя жизнь личности, богатство и интенсивность переживаний которой раскрывается при помощи различных тропов, стилистических фигур.

Автор очерка использует приём метафоризации в различных художественных целях: для создания портретной характеристики персонажа, пейзажных зарисовок, обрисовки обстановки, показа внутреннего состояния героев и т.д. Главное, метафора позволяет достоверно и образно донести до читателя замысел публицистического произведения, а читателю – проникнуть в творческое мировосприятие автора. В создании индивидуального авторского видения мира активны и метафоры – существительные, и метафоры – прилагательные, и глагольные метафоры.

Проанализировав очерк одного из ведущих публицистов Молдавии, мы пришли к выводу, что метафоры – существительные в исследуемом очерке встречаются часто. Часто распространённые определениями, они служат, в частности, средством создания портретной характеристики персонажей очерка, как внешней, так и внутренней:

...я уже решил не выпускать нити разговора из своих рук [1, с. 26].

Уроки детства живут в нас, вызывают к нашим мыслям, чувствам, памяти едва ли не всю жизнь. Даже если они до конца не состоялись [1, с. 31].

Как раз в те годы проникся я ещё одним убеждением, почерпнутым из кладовой материнской мудрости: самые дорогие, самые желанные вещи, покупки, приобретения – те, что добыты усилиями собственных рук, разума [1, с. 48].

В метафорах – прилагательных наблюдается скрытое сравнение, в котором перенос свойств с одного предмета на другой осуществляется с помощью точно подобранного имени прилагательного. Метафорические прилагательные такого рода в некоторых случаях эквивалентны по смыслу сочетанию наречия и причастия:

Любовь мамы к детям, властная, своенравная и довольно скрытная, находилась в полном согласии с её характером, и человек непосвящённый легко счёл бы её обращение с нами сухим и чёрствым. ...Мы-то знали, что она нам по-настоящему, глубоко предана, что нет таких лишений, на которые она сознательно не пошла бы ради нас [1, с. 34].

Значительно чаще мы наблюдаем метафорическое употребление глаголов и прилагательных. Посредством глагольных метафор неживое отображается в мире живого. Очеркист сопоставляет внутреннюю жизнь с природными явлениями (эти сопоставления вызваны самим характером соответствия между природными процессами и сложными переживаниями и мыслями персонажей), и идеальное (духовное), «материализуясь», воспринимается как зримо-предметное, осязаемое, пластичное:

Над нестойкими душами такое наследство обретает подчас неодолимую власть: вспыхивают испепеляющие ссоры, разгораются страсти, возникают унижительные судебные процессы, делятся семейные реликвии, любимые с детства вещи... [1, с. 59]

Но бывает наследство и иного рода, когда каждый волен брать всё, что видит и сколько хочет, и само наследство от этого не только не скудеет, не истощается, а наоборот, множится, ширится, начинает сверкать новыми гранями, делая людей богаче, зорче, щедрее, бескорыстнее... [1, с. 59]

При изображении внутреннего портрета часто Я.Гуревич большое значение уделяет общению при помощи взгляда, выражения глаз. Через зеркало души – глаза – угадываются трудная внутренняя жизнь персонажей очерка, их печаль, боль, страсть и одновременно желание скрыть эти чувства:

В мягких, слегка уже выцветших глазах Тамары Ивановны вдруг загорается трепетный, с хитринкой, огонёк, и частая сеточка морщинок вокруг них как будто становится ещё гуще... [1, с. 22].

И тут только увидел скупые слезинки, которые сиротливо повисли у неё на веках и вдруг сорвались, оставляя на щеках чуть заметные блестящие дорожки [1, с. 44].

В исследуемом очерке среди других тропов метафора занимает главное место, она позволяет создать ёмкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях.

Проанализировав очерк Я.Гуревича «Мать», мы пришли к выводу, что метафора в исследуемых материалах выполняет все свойственные ей функции: представляет индивидуально-авторскую модель мира (моделирующая), делает образ более ярким и наглядным (изобразительная), помогает осознать, создать предположение о сущности объекта (гипотетическая), даёт новое наименование

объекту (номинативная или функция фиксации значения), воздействует на воображение читателя (функция воздействия), формирует образное представление о мире (инструментальная функция).

Метафора является важным смыслообразующим фактором текста. Придавая оценочную, экспрессивную и эмоциональную тональность сообщению, она создаёт в нём фон, подтекст, которые помогают понять действительные намерения автора.

В очерке Я.Гуревича при портретной характеристике встречается и синекдоха как один из способов достижения образности:

...эти руки, неизменно лежавшие на лбу, словно излучали бодрящую силу, умеряя нестерпимую боль... Во всякое другое время эти руки – работали. Работала – всегда [1, с. 45].

Прочувствовать и пережить происходящие события в очерке нам помогают и эпитеты. Эпитеты, встречающиеся в исследуемом тексте, также часто использованы при изображении портрета героини, как внешнего, так и внутреннего. Особенно выразительны в функции эпитетов прилагательные и причастия благодаря присущему им семантическому богатству и разнообразию:

Говорить с ним было трудно. Он был едок, насмешлив, излишне категоричен в суждениях, и это не всегда располагало к доверительным беседам [1, с. 26].

Любовь мамы к детям, властная, своенравная и довольно скрытная, находилась в полном согласии с её характером, и человек непосвящённый легко счёл бы её обращение с нами сухим и чёрствым [1, с. 34].

Видеть мать плачущей мне ещё не приходилось – у неё был сильный, я бы даже сказал, жёсткий характер [1, с. 37].

Сравнения используются в очерке с целью усиления его образности, создания более ярких, выразительных образов:

Мать. Она сидела рядом на стареньком поскрипывающем диване, совсем сухонькая, с густой сеткой мелких морщинок на лице, и слушала с напряжённым вниманием [1, с. 28].

Мы сидели на уроках – внимательные, растерянные и, если говорить начистоту, словно бы пришибленные. Наверное, так же чувствует себя мелкая рыбёшка, выброшенная волной на песчаную отмель [1, с. 36].

Не знаю, как мать поняла, что я собираюсь делать, но как будто пришла в себя, чуть приоткрыла рот, точно обессиленный птенец, когда он, вдоволь накричавшись, жалкий и беспомощный, выглядывает из гнезда, и приняла пищу. [1, с. 58].

Представленный нами иллюстративный материал свидетельствует о том, что сравнение как средство характеристики персонажа в очерке служит и типизации, и одновременно индивидуализации изображаемого персонажа.

Сравнительные конструкции нацелены на передачу авторской позиции, его отношения к описываемым явлениям. Они наполнены точными

и впечатляющими картинками, которые надолго остаются в памяти. Именно авторская позиция, авторское отношение к героям очерков определяет подбор сравнений, используемых при портретизации, акцентируя в герое очерка те черты, которые способны наиболее ярко выразить характер, изобразить внешность идейным, эмоциональным отношением автора. В сравнении звучит и авторская оценка, и отражено эмоциональное состояние героев очерков.

При создании речевой экспрессии в очерке часто используются стилистические фигуры и как средство повышения эстетического уровня текста, и как элемент портретного описания.

В очерке Я.Гуревича преобладают следующие фигуры речи:
эллипсис:

Наверное, надо было расспросить. Или самому задуматься. Но нам ведь всегда недосуг. Даже когда отдыхаем [1, с. 29].

Скорее – сама советовалась с детьми и внимательно слушала их доводы. В конечном счёте, они уже и грамотнее. Безучастность? Безразличие? Упование на то, что, прыгнув в воду, быстрее научатся плавать? Хочу думать, что скорее всего – выдержанность и такт. И ещё – доверие к собственным детям. [1, с. 42].

Во всякое другое время эти руки – работали. Работала – всегда [1, с. 45]

Мы замечаем неполнооформленность структур, «неполноту» предложений, опущение, пропуск тех или иных компонентов высказывания, причём намеренный пропуск несущественных слов в предложении без искажения его смысла, а часто – для усиления смысла и эффекта. Эллипсис придаёт выражению динамичность, интонацию живой речи, художественную выразительность, придаёт речи взволнованный характер.

Повторы. Стилистический приём состоит в повторении слов, выражений с целью привлечь к ним особое внимание. Повторяющиеся сегменты фиксируются памятью и влияют на формирование отношения к персонажу очерка, к соответствующей проблеме:

Как в ней родилось и окрепло это безмерное поклонение перед знаниями, это с годами не иссякавшее пристрастие к чтению, это благоговейное отношение к книге? Может, собственная, в детские годы так и не утолённая жажда познания? Может, народная мудрость, возводящая в степень интерес к окружающему миру, любопытство, любознательность и глубоко презирующая неучей, людей ленивых и бездеятельных? [1, с. 31].

Никогда в жизни, ни до того, ни после, я не испытывал такого унижительного состояния собственного бессилия, беспомощности, когда тяжело опускаются руки, теряется интерес ко всему окружающему и остаётся только покорно ждать, ждать, ждать, когда прозвонит последний звонок и всё кончится [1, с. 36].

Никогда не выбрали времени на признания, никогда не сказали ей и малой толики тех слов, которых она заслуживала и которыми были переполнены наши сердца и души, никогда не исповедались ей в своём высоком уважении. [1, с. 58].

Только дружно живите, детки... Не ссорьтесь, дружно живите... Помогайте друг другу... Не ссорьтесь [1, с. 59].

Повтор не только оказывает эмоциональное воздействие, но и производит изменения в системе «мнения – ценности – нормы». Повтор акцентирует наше внимание на наиболее значимых для автора словах и понятиях.

Риторический вопрос в данном очерке повышает эмоциональность высказывания, привлекает внимание читателя к определённым частям очерка, является средством эмоционального воздействия, возбуждения внимания к изображаемому, создаёт эмоциональный пафос текста, передаёт взволнованность речи автора, различные его чувства:

А человек? Что я знаю о своей матери? Какие уроки вынес из её жизни? Что передам от неё детям и внукам своим, чтобы никогда, ни на миг не прерывалась животворящая связь времён? [1, с. 29].

...не представляешь себе, что вдруг матери может не стать. Кому тогда признаешься в проступке, в котором сам не сумел до конца разобраться? От кого примешь утешение в неожиданно свалившемся горе? Кому пожалуешься на кажущуюся неблагодарность собственных детей? [1, с. 29].

Но сейчас я думаю о другом: может, матери знают о нас, своих детях, нечто такое, чего мы сами в себе и не подозреваем? Иначе как тогда объяснить то, что случилось тогда, в четвёртом классе? [1, с. 42].

Что же дал нам, детям, родительский дом? В чём состояли вынесенные нами из детства, если можно так выразиться, материнские уроки, что мы взяли из них для себя? [1, с. 47].

Что бы им не сойтись, не образовать семью, где и память общая, и горе скорее зарубцевалось бы, где мать обрела бы столь органичное для её натуры положение хозяйки дома? [1, с. 51].

В зависимости от лексического наполнения риторические вопросы усиливают разнообразные эмоциональные тональности: удивления, радости, негодования, сомнения, порицания и т.д.

Риторическое восклицание – фигура, в которой в форме восклицания содержится утверждение:

Думал ли я тогда, что именно мне, самому благополучному в учёбе, суждено доставить матери тяжкие огорчения! [1, с. 35].

Помните строчки из песни – «Родительский дом, начало начал...»? Какой неисчерпаемо глубокий, поистине безграничный смысл, какая полнота постижения главного и определяющего в нашей жизни, в наших судьбах! [1, с. 47].

Риторическое восклицание усиливает выражение чувства, эмоционального восприятия. Восклицательный знак в таких высказываниях – это способ привлечь внимание читателя и побудить его разделить авторское негодование, изумление, восхищение.

Хиазм помогает выделить главное слово или понятие, наиболее значимое для автора; средство создания эмоциональности речи:

...собеседник он был интересный, особенно в узком кругу [1, с. 26].

Необыкновенен каждый человек. ...Или зрение наше так устроено, что не всегда эту необыкновенность различает – ведь и слух наш тоже далеко не все звуки улавливает [1, с. 26].

До боли сердечной трудно об этом говорить [1, с. 29].

А перед родной матерью не опасаемся ни слабости свои обнажить, ни в ошибках покаяться. Потому что, как бы далеко ни ушли мы в возрасте своём и развитии, для неё мы и седые – дети [1, с. 30].

Пленила атмосфера тех вечеров – возвышенная, взволнованная и вместе с тем необыкновенно тёплая, доверительная и умиротворённая. Пожалуй, ни в какие иные моменты жизни не ощущали мы с такой полнотой родственных уз в нашей семье, общности наших интересов, помыслов и чувств [1, с. 32].

Полисиндетон, замедляя речь вынужденными паузами, подчёркивает роль каждого из слов, создавая единство перечисления и усиливая выразительность речи:

Любовь мамы к детям, властная, своенравная и довольно скрытная, находилась в полном согласии с её характером, и человек непосвящённый легко счёл бы её обращение с нами сухим и чёрствым. Она никогда, сколько помню, не целовала нас, не называла ласкательными именами, вообще скупилась на открытое выражение своих чувств [1, с. 34].

...маму почти невозможно было увидеть в слезах. Наверняка и у неё в жизни были горе, отчаяние, утраты, и наверняка она тоже плакала. Но – не на людях. Публичные слёзы почитались признаком дурного тона, что ли, эдакой показухой. Горе? Переживи, перестрадай, выплаться, наконец, но не напоказ, не заставляя горевать и плакать других, не взывая к жалости и сочувствию [1, с. 44].

И редко, крайне редко речь заходит о семье, обязанной не только родить и выходить, но и воспитать, передать обществу физически и нравственно полноценного человека [1, с. 47].

Родительский дом, начало начал... Именно отсюда, из-под отчего крова, из-под материнской опеки выходят герои и трусы, труженики и тунеядцы, чёрствыые эгоисты и альтруисты, неряхи и чистюли, обманщики и правдолюбцы [1, с. 47].

Многое, увы, мы осознаём запоздало, когда уже ни написать, ни позвонить, ни приехать, ни наверстать [1, с. 58].

Я.А.Гуревич старается не просто рассказать обычную историю обычного человека, он хочет, чтобы мы прониклись тяжёлой, подчас суровой жизнью героини очерка, Матери. В центре внимания оказывается внутренняя жизнь личности, богатство и интенсивность переживаний которой раскрывается в том числе и через образное слова Я.Гуревича. Он изображает сильную, добрую, отзывчивую, целеустремлённую, смелую женщину, достойную уважения, пишет так, что мы, читатели, ощущаем её рядом с собой, находим среди своих родных, друзей, знакомых.

Как видим, образное слово помогает автору точнее и выразительнее описать героиню очерка, рассказать о событиях и явлениях, связанных с ней, не

только украшает текст, но и помогает осмыслить действительность, задуматься и о собственной жизни, правильно расставить приоритеты в ней. Очерк Я.А.Гуревича «Мать» характеризуется высокой степенью концентрации образных средств различных типов на сравнительно небольшом пространстве текста. Использование образного слова, разнообразие тропов и стилистических фигур, зафиксированных в исследуемом материале, тесно связанных друг с другом и во взаимодействии создающих сложный мир героини очерка, переводит описание случайных, ситуативных признаков в план устойчивых характеристик. Всё это позволяет говорить о высоком уровне владения Я.А.Гуревича словесными средствами художественной изобразительности.

Литература

1. Гуревич Я. А. Признание в любви. Кишинёв, 1985.